

Анатомия человека в семантике испанской языковой картины мира глазами носителя русского азыка

Марина КУТЬЕВА

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия
marku2006@yandex.ru

Recibido: Diciembre de 2010
Aceptado: Febrero de 2011

Резюме

Статья посвящена сопоставлению семантических особенностей слов, именующих части тела и внутренние органы человека, в испанском и русском языках. Эти неспецифические слова развивают весьма специфическую, асимметричную в рассматриваемых языках, метафорику.

Ключові слова: соматизм, коннотация, ментальность, языковая картина мира.

Anatomía humana en la semántica de la mundivisión española en comparación con la rusa

Resumen

Este artículo está dedicado a la comparación de las particularidades semánticas del léxico español y el ruso que describe el cuerpo humano. Las palabras de este grupo específico desarrollan una connotación extraordinaria y asimétrica en los idiomas español y ruso.

Palabras clave: somatismo, conotación, mentalidad, mundivisión verbal..

Human anatomy in Spanish Language Picture of the World in Comparison with the Russian

Abstract

This article is focused on the semantic characteristics of words for the human body's parts and internal organs in Spanish and Russian languages. These words develop very specific, particular metaphorical meanings. The original national mentality is reflected in their semantics.

Key words: somatism, connotation, mentality, language picture of the world..

В качестве средств выражения важных категорий и сильных эмоций носитель языка выбирает те образы, которые, попав в поле его зрения, стали детерминантами его кругозора, его обиденного сознания. Ментальное пространство носителя языка осязательно проявляется в лексико-фразеологических предпочтениях. Денотативный код культуры избирателен. В испанском языке среди судьбоносных для менталитета денотатов высок удельный вес соматики. Нам важно проследить наиболее употребительные контексты слов-соматизмов и наиболее проторенные пути, по которым продвигается преобразование их семантики. Важную информацию о национальном мироощущении несут также специфическая сочетаемость и взаимодействие лексем, которая закрепляется в узусе в виде фразеологизма.

В данной статье речь пойдет о значимости корпоральной лексики в испанской языковой картине мира. Под языковой картиной мира мы подразумеваем передаваемое вербальными знаками мировидение языкового коллектива. В языковой картине мира проявлены и зафиксированы важные для носителей данного языка, узловыe моменты мироздания, включающего и самого человека. Средства языка отражают объективный мир в субъективных градациях: от важного до незначительного. Важные моменты представлены обильной лексической полисемией, синонимией, антонимией, а также идиоматикой. Незначительные категории вербализуются слабо.

В общем объеме словоупотреблений, отнесенных всякий раз к конкретной вещи и конкретной цели, неминуемо должны выразить себя и первопринципы, насколько они вообще выразимы в словах (ЭПШТЕЙН 2007:231).

Первопринципам и категориальному аппарату приходится воплощаться в элементарных словах, делая их порой непостижимо многозначными. По аналогии с тем, как отдельные понятийные узлы образуют повышенную лексическую плотность, отдельные лексемы отличаются повышенной семантической плотностью. Среди таких лексем особенно активны слова, относящиеся к описанию анатомии человека - соматизмы.

В испанском языке соматизмы, обладающие свойством обозначать как конкретные, так и абстрактные предметы, несут бóльший груз многозначности, нежели их русские эквиваленты. Многозначность слова зависит от уровня образно-ассоциативной активности мышления носителя языка, от этнически обусловленной ассоциативной избирательности, ведущей к метафорической трансформации денотата в определенном направлении. Русский язык – язык бездонной, несколько депрессивной духовности, презирающей плоть. Испанский язык – язык радостной образности и изобразительности, воспеваящий все земное и в первую очередь – человека во плоти - *de carne y hueso*. То, каким предстает человек по сведениям, предоставляемым языком, позволяет судить о том, каков человек в культуре и каким он видит мир.

Соматизмы - это лексика, которая имеет множество ассоциативных зацепок, порождающих сначала окказионально-авторскую (речевую) метафору, а потом, со временем, формирующих и значение, претендующее попасть в список значений кодифицированных, принадлежащих епархии языка, а не речи. Эта лексика активно используется человеком, чтобы как можно полнее пере-

дать все тонкости и оттенки его взгляда на мир. Переносная семантика корпоральной лексики образует чрезвычайно интересный когнитивно-семантический континуум.

Рассмотрим некоторые имена, которые, описывая тело человека, обнаруживают существенные различия в семантике испанского и русского языков. Например, слово *boca* (*рот*) в испанском языке даёт огромную семантическую парадигму и, с нашей точки зрения, по сравнению с эквивалентом русского языка, перегружено значениями: рот, клешня, дырка (в ботинке – ботинок просит каши), речь, паз, вход, едок, устье, лезвие (топора), отмель реки (коса). Можно и по-другому посмотреть на этот феномен: в русском языке здесь наблюдается некоторая ущербность семантической парадигмы в сравнении с испанским. Такая же межязыковая асимметрия наблюдается с соматизмами *nariz, brazo, riñones, hígado, tripas, vientre, entrañas* и т.п. Их метафоризация разнообразнее по сравнению с русской.

Богата словообразовательная деривация от лексемы *boca*: *bocacha, boquerones, bocado, bocacalle, bocanada, bocadillo, bocajarro, desembocar, boquiabierto*. Испанско-русский фразеологический словарь содержит 191 фразеологизм со словом *boca* (ЛЕВИНТОВА 1985:81-82).

Русский ложится на спину или на живот. Испанец - *ртом вниз* или *ртом вверх*: *boca abajo* или *boca arriba*. Если русский скажет: «Давай поговорим *по душам*», то для испанца естественнее *hablar boca a boca*. Идиоматические обороты со словом *boca* часто встречаются в литературе: «... *estaba como un difunto, arrimado a la pared, sin decir esta boca es mía*» (ALARCON 2003:108) или «... *Quisiera merecerte un segundo favor... – Pide por esa boca...*» (ALARCON 2003:114), а также «... *todo marcha a pedir de boca*» – всё идёт просто замечательно (UNAMUNO 1979: 133).

Испанец встречается неожиданно с кем-то не *нос к носу, a de manos en boca* (букв. *из рук в рот*), то люди встречаются как носами – *darse con las narices*, лицами - *cara a cara*, так и ртами и руками. Согласитесь, *de manos en boca* звучит сочнее и прониимает сильнее, чем пресное *лицом к лицу*. «*Abrióla sin vacilación la señá Frasquita <...> y encontróse de manos en boca con el Corregidor*» (ALARCON 2003:71).

“*Mi mujer lo tiene sentado en la boca del estómago*” - так высказался о надоевших его жене походах на мельницу один из персонажей «Треугольной шляпы» Педро Антонио де Аларкона (ALARCON 2003:43). «У моей жены (эта мельница) сидит во входе в желудок» – таков буквальный перевод, неправильный. Но буквально это слово, такое простое, бытовое, обиходное, на русский язык не переводится. Почему? Дело все-таки национальном мировидении, дающем зеленый свет одним образам и словам, и перекрывающем дорогу другим.

Приведу еще один пример, на этот раз из романа Мигеля де Унамуно «Туман» - “*Niebla*”:

La madre iba y venía sin hacer ruido <...> con una sonrisa que era el poso de las lágrimas de los primeros días de viudez, siempre *en la boca* y en torno de los ojos escudriñadores (UNAMUNO 1979:77).

Мама ходила бесшумно <...> с улыбкой, в которой застыли слезы первых вдовьих дней, остались во рту и вокруг пронизательных глаз (Здесь и далее перевод мой – М.К., если не указан автор).

У русских слезы стоят не во рту, а в горле, и в некоторых контекстах горло берет на себя ту же функцию, что *rot* в испанском языке: строки ... «нахлынут *горлом* и убьют» (Пастернак), «и не захватывает *горло* от любви» (Высоцкий), «становясь на *горло* собственной песне» (Маяковский). Заменяет слово *rot* в русском языке и устаревшее *уста*: *de boca en boca* переводится *из уст в уста*. Перевод, впрочем, нельзя считать полностью адекватным из-за яркой стилистической маркированности русского эквивалента, относящей его к высокому, книжному стилю.

«У меня ком в *горле*» – так скажет русский в горе, испанский эквивалент этому обороту – *con el corazón en la boca*. Иными словами, о сильно бьющемся от волнения сердце испанцы говорят, что оно находится во рту:

No soporté más. Descolgué el teléfono con *el corazón en la boca*, marqué los cuatro números muy despacio para no equivocarme (GARCÍA MÁRQUEZ 2007:54).

В пристрастии испанского языка к многоцелевому использованию слова *boca / rot* и наделении его разветвленной парадигмой значений сказалось преобладание сенсорно-вкусового подхода к восприятию действительности, к чему подталкивает природное и гастрономическое изобилие Средиземноморья. Испанцы очень любят поесть и поговорить о еде, о кулинарном искусстве. Вспомним, кстати: в русской живописи встречается огромное количество портретов, но почти нет натюрмортов – т.е. предметы не интересны, интересен внутренний мир человека. А вот в испанской живописи – натюрморт смакуется и буйствует красками, что косвенно подтверждает гедонистические истоки мышления, отливающиеся в лексико-фразеологической системе языка диспропорцией одних лексических пучков по сравнению с другими. Понятие женской красоты и привлекательности передается в испанской фразеологии вкусовыми словами: *dulce, salerosa, con un granito de sal, bonbon, canela, fresa*. Поэтому так семантически загружен *rot/boca* – орган вкуса, ценитель, дегустатор, классификатор гастрономических форм бытия.

Рот не только оценивает пищу, но и продуцирует речь. Человека, говорящего гадости, по-русски назовут *сквернослов*. При этом внутренняя форма сосредоточена на продукции сквернословия, на результате его деятельности – слове. В испанском языке на помощь приходит веская и замечательно образная метонимия – *boca sucia / грязный рот*, где мысль сосредоточена на источнике сквернословия – органе говорения. В процессе категоризации и вербализации чувств и эмоций метонимия зарекомендовала себя как не менее надежный метод, чем метафора. Срабатывает универсальный механизм, позволяющий человеку переходить от частного к общему, от конкретного к абстрактному. По такому же принципу образованы сходные с этим, но более мажорные фразеологизмы: *boca rica – щцеславный человек; boca de oro – красноречивый человек (златоуст)*.

Конечно, хочется понять глубинную причину явлений, иллюстрируемых данным примером. Автор видит ее в телесности, осязаемости, предметности

испанского вербального мышления и абстрактности, отстраненности русского. Русское вербальное мышление к деталям равнодушно. Русская речь избытует абсолютно не осязаемыми и не переводимыми, но столь часто упоминаемыми лингвистами словами и композитами: *авось, небось, наобум, наугад, кое-как, ничего, ни к чему, как-нибудь, если что, так себе, да нет наверно, ни то ни сё, методом тыка, кривая вывезет*). Русский человек склонен подавать реальность в обобщенном виде, не упуская возможности посетовать на неподвластность ему ситуации, на неопределенность и непредсказуемость в целом враждебно настроенного к нему мира. Это закреплено в фольклорных формулах *Поди туда - не знаю куда, Принеси то - не знаю что, Идти куда глаза глядят, Куда Макар телят не гонял, Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли*. Конечно, речь идет лишь о степени выраженности предметности и абстрактности в рассматриваемых языках.

Нет в русском языке фразеологизмов, указывающих на необходимость предпринять что-либо для возбуждения аппетита; его отсутствием, видимо, на протяжении многострадальной российской истории мало кто страдал. Да и сама лексема *appetitus* - не русского происхождения, а собственно русского слова, выражающего именно это значение, просто нет. В испанском языке *hacer boca* означает «съесть или выпить что-либо для аппетита». Если снабдить наш соматизм определенным артиклем, то значение фразеологизма изменится. Это удивляет носителя русского языка, не знакомого с категорией артикля. *Hacer la boca a caballería* – приучать лошадь к уздечке! Увлечение лошадьми (т.е. фактор экстралингвистический) наложило отпечаток на семантику фразеологизмов *ser de buena boca* и *ser de mala boca* – *быть послушным и непослушным*. О том, что значение именно таково, догадаться, не зная про его связь с лошадьми, нельзя. Значение нельзя вывести самому, находясь вне культурных рамок данного языкового коллектива. Его можно лишь объяснить, будучи уже ознакомленным с результатами метафорических преобразований.

Por la boca muere el pez – этот фразеологизм переводится так: «Язык мой – враг мой», а дословно: «Из-за рта умирает рыба». Рыба в данном контексте – это человек, под словом *rot*, подразумевается язык его – враг его. Но всегда ли это значение тождественно самому себе? Поэтически переосмыслен этот фразеологизм в песне Хосе Мария Кано, исполняемой Хулио Иглесиасом. Называется эта песня “Lía”: «...Respirando en el vacío aprenderé / Como por la boca / muere y mata el pez». В песне фразеологизм предстает в трансформированном и пополненном виде: добавлен глагол *mata/убивает*. Переосмысление возможно потому, что рот не только заглатывает крючок (из-за чего и гибнет рыба), но еще и целует, задыхаясь, как рыба на суше, поцелуями душит. Заметим попутно, что русские целуют все-таки *в губы*, а испанцы *en la boca*. Этот же фразеологизм в других контекстах может приобрести значение, подобное русскому *рыба гниет с головы*, т.е. все грехи и пороки зарождаются в высших эшелонах власти (если поставить бедолагу-рыбу вертикально, то самая верхняя ее точка – это рот).

Так, слово *boca/rot* приобретает переносные значения *вход, выход, начало* (времени года, времени суток):

El hombre que por inercia o por exceso de precaución seguía montando guardia *en la boca de la carpa* le saludó afablemente al verlo aperecer: Buenas noches, profesor Santiago (MENDOZA 1986:172).

Лексема *boca* активно участвует в образовании устойчивых словосочетаний, элементы которых латентно сохраняют свои буквальные значения, сохраняя образность композита: *cielo de la boca* – нёбо, *boca del vino* – вкус вина (букет), *boca de cañón* – жерло, дуло пушки, *a bocajarro* – в упор (выстрелить), *boca de fuego* – огнестрельное оружие, *boca de calle* – начало улицы, *boca de metro* – вход в метро, *boca de vasija* – горлышко сосуда, *boca de escenario* – проscениум, *boca de horno* – топка печи, *boca de alcantarillo* – канализационный люк, *boca de río* – устье реки, *a boca de noche* – с наступлением темноты; *a boca de las oraciones* – в сумерках; *a boca de invierno* – в начале зимы. Последний пример интересен тем, что, опираясь на внутреннюю форму фразеологизма, можно предположить: зима или другое время года подсознательно мыслится носителем языка как человеческий организм. Окружающей действительности, промежуткам времени на подкорке задается человеческий формат. Русские словари не фиксируют ничего подобного со словом *рот*, хотя на географической карте мы не раз столкнемся с такими корпоральными номинациями, как: *устье, перешеек, губа, хребет, мыс, (Канин) нос*. Географическим объектам сообщаются человеческие свойства. Если в русском языке у горы есть подошва, а у реки есть *рукав*, то в испанском у горы есть стопа/*pie*, а у реки – *рука/ brazo*. *En el riñón de España* – в центре Испании, дословно: «в почках Испании». Почки предстают как центр организма, а страна – как сам этот организм. Кроме того, слово *riñón/почки* – это носитель символических ассоциаций, связанных с важнейшими чертами характера: смелостью, отвагой. Эти характеристики противоположны страху, физиологически связанному с функцией почек. Судя по набору переносных значений слова *riñón*, следствием проявленной отваги должно явиться материальное благосостояние. А оно в свою очередь расценивается как защита от разнообразных непредвиденных обстоятельств. Это значение фигурирует в семантическом реестре устойчивых выражений со словом *почки*: *tener bien cubierto el riñón* (досл. – *иметь хорошо прикрытой почку*). Нашлось место в этом реестре и такой категории, как *dorogovizna*:

El representante de Su Majestad Católica echó los pies fuera de la cama agarrándose de la cabeza: - ¡Si trasciende a los periódicos se me crea una situación imposible! ¡Cuánto menos su silencio *me cuesta un riñón y mitad del otro!* (VALLE-INCLÁN 1995: 168).

(Представитель Его Католического Высочества спустил ноги с кровати, схватившись за голову: - Если все это просочится в газеты, для меня это будет ужасно! Их молчание будет *стоить* мне как минимум *одной целой почки и половины второй!*).

В испанском языке слово *почки* весьма продуктивно в образовании фразеологизмов. Этот внутренний орган человека наделен в сознании носителей испанского языка исключительной важностью. Там, где русский скажет *рвать кишки*, испанец говорит *рвать почки* – *partirse los riñones*.

Интересно, что значение ‘физическая сила’ соединяется в подсознании со значениями ‘моральная, нравственная сила’, ‘навыки, таланты’ и ‘материальные, финансовые возможности’ – т.е. всё то, с чем в жизни не пропадёшь. Такое ассоциативное движение прослеживается и в русской фразеологии. Например, выражение *кишка тонка* может интерпретироваться как нехватка 1) сил сделать что-либо; 2) смелости, мужества; 3) умения, способностей, знаний, опыта для выполнения (планов, задания); 4) средств на приобретение чего-либо.

В следующем примере отражена именно четвертая интерпретация: «Вот мы на заводе делаем трактора для вас. Бедняку и середняку-одиночке купить трактор слабó: *кишка тонка!*» (М.Шолохов. “Поднятая целина”).

Наиболее частотные идиомы со словом *riñón* (ЛЕВИНТОВА 1985: 564) сведены для наглядности в следующую таблицу. Они обнаруживают особую остроту, наблюдательность и богатейшее, почти фантазийное, воображение носителя испанского языка:

Фразеологизм	Буквальный перевод	Перевод на русский язык
Costar un riñón	Стоить почки	Стоить очень дорого
En el riñón de España	В почке Испании	В самом центре Испании
Gastar un riñón	Тратить почку	Израсходовать много денег
Partirse (quebrantarse los riñones)	Рвать (надрывать) почки	Гнуть спину, надрываться, вкалывать
Pegarse al riñón	Приклеиваться к почке	Быть сытным (плотным), питательным, калорийным
Se pega poco al riñón una cosa	Мало приклеивается к почке (какое-то блюдо или продукт)	Этим не наешься!
Tener bien cubierto (bien forrado) el riñón	Иметь хорошо прикрытой почку	Быть богатым; у него денег куры не клюют; быть защищенным
Con el riñón bien cubierto	С хорошо прикрытой почкой	С прибылью, с большими деньгами
Tener riñones	Иметь почки	Быть смелым; быть неробкого десятка; обладать силой духа, мужеством

Итак, мы наблюдаем, как самые распространенные, ходовые, конкретные слова оказываются эмблематичными и полисемичными, берут на себя роль символа. За неприметным конкретным именем вырисовывается богатейший спектр ассоциаций и смыслов. Слово *riñones* сочетается с открытым множеством глаголов в значении *смелость, отсутствие страха*:

El fuego de la ametralladora en sus manos le cimbraba el cuerpo y Miguel murmuró:
- No bastan *los riñones*. Los moros rubios tienen mejor equipo (FUENTES 2002:128).

(Огонь пулемета в его руках пронзал все его тело, и Мигель прошептал: - Здесь одних почек мало [т.е. Одним мужеством здесь не обойдешься]. У белых мавров вооружение лучше).

Соматизм *riñones/почки* могут оказаться связанными с сексуальным понятием потенции (возможно, в функции эвфемизма):

En África, el rey era guerrero, cazador, juez y sacerdote; su simiente preciosa engrosaba, en centenares de vientres, una vigorosa estirpe de héroes. En Francia, en España, en cambio, el rey enviaba sus generales a combatir, era incompetente para dirimir litigios, se hacía regañar por cualquier fraile confesor, y, *en cuanto a riñones*, no pasaba de engendrar un príncipe debilucho, incapaz de acabar con un venado sin ayuda de sus monteros... (CARPENTIER 1978:213).

(В Африке король был воином, охотником, судьей и священником; его драгоценное семя взращивало в сотнях чрев могучее племя героев. Во Франции, в Испании, наоборот, король посылал своих генералов сражаться, был неспособен разрешить споры, его бранил любой монах-исповедник, а что касается почек, он мог зачать лишь слабенького принца, неспособного покончить с оленем без помощи слуг»).

Riñón и другие соматизмы формируют парадигмы. Синонимом *почки* в определенных фразеологических контекстах, например, *costar un riñón*, может выступить *глаз/оjo* или *голова/cabeza*: “*costar un ojo de la cara*” – ‘стоит дорого’ или “*dar un ojo de la cara*” – ‘не пожалеть ничего’, “*costarle la cabeza*” – ‘стоит головы’. Для пополнения коллекции дорогостоящих членов уместно вспомнить русский жаргонизм «зуб отдам», где *зуб* берет на себя функцию сто-процентной гарантии.

Каждый соматизм тяготеет к своему смысловому полю в сфере формирования переносных значений: *riñón* охватывает такие фреймы, как *отвага, смелость, богатство*; *hígado* – *злоба, ненависть, неимоверные усилия, boca* – *вход, выход, начало, соединение внутреннего и внешнего*; *corazón* – *доброта, щедрость, откровенность, зубы* – *месть, голод, злость*.

Процесс подбора нужного для выражения абстрактного смысла слова, метафорический поиск связи между объектами сознания в испанском вербальном мышлении сильнее, чем в русском, задействует телесную лексику. Это придает картине мира носителя испанского языка бóльшую осязательность, укореняя ее в реальности каждодневного мира, данного нам в ощущениях. Русский же человек грешит стремлением оторваться в заоблачные дали, мечтая о светлом будущем, презирать быт, не замечать ни того, что живет в грязи и в нищете, ни того, что имеет несметные богатства. Испанская земля контрастна и четко вычерчена, русская – безгранична и бесформенна:

Даль, бесконечность притягивают русскую душу. Она не может жить в границах и формах, в дифференциациях культуры, <...> она не знает границ и форм жизни, не встречает дисциплинирующих очертаний и пределов в строении своей земли, в своей стихии. <...> Она не превращена в крепость, как душа европейского человека, не забронирована религиозной и культурной дисциплиной. <...> Она легко отрывается от всякой почвы и уносится в стихийном вихре в бесконечную даль. В ней есть склонность к странствованию по бесконечным равнинам русской земли. Недостаток формы, слабость дисциплины ведет к тому, что у русского человека нет настоящего инстинкта самосохранения, он легко истребляет себя, сжигает себя, распыляется в пространстве (БЕРДЯЕВ 2006: 141).

Эта ментальная черта толкает русского то в бунт, то в отшельничество, лишая середины. Отсутствие середины и внимания к деталям в ментальности проявляется и на вербальном уровне.

В испанском языке фразеологическая плотность, разветвленность, вариативность оборотов с такими словами, как *boca, brazo, riñones, hígado* выше, чем в русском.

Во фразеологически связанном виде лексема *hígado/nечень* узуальна как в единственном, так и во множественном числе, с явным предпочтением множественного, что усиливает эмотивный потенциал этого слова. Вообще признаки, указывающие на превышение нормы, в большинстве случаев формирования идиом с соматизмами подразумевают положительную оценку, а признаки, указывающие на отклонения в меньшую сторону, - отрицательную.

Висенте Бласко Ибаньес дает хвалебную характеристику своему герою через лексему *hígado* во множественном числе:

Pero al valentón ribereño aún le duraba la excitación de la lucha y sonreía despreciativamente <...> Quería ir solo por ver si así le salían al paso aquellos enemigos. Conque..., ¡largo y hasta la vista! ¡Qué hígados de hombre! (BLASCO IBÁÑEZ 1980: 71)

Восторженную оценку врачу с помощью этой лексемы высказывает вылеченный им капитан из романа Аларкона:

-¡Gracias por el favor, matasanos de Lucifer! (respondía el Capitán en són de afectuosa franqueza). ¡Cuando salga a la calle, he de llevarlo a Vd. a los toros y a las riñas de gallos; pues es Vd. todo un hombre!..... ¡Cuidado si tiene hígados para remendar cuerpos rotos! (ALARCÓN. El Capitán Veneno).

(Когда я выйду отсюда, я свожу Вас на бой быков или на петушинный бой, ведь Вы настоящий мужчина! У Вас есть мужество (способность, умение) чинить покалеченные тела!).

Ниже, в таблице, приведены наиболее частотные идиомы со соматизмом *hígado* (ЛЕВИНТОВА 1985: 540).

Фразеологизм	Буквальный перевод	Перевод на русский язык
Malos hígados	Плохая печень	1) Враждебность, неприязнь; 2) злобность, желчность, зловредность
Ser uno de malos hígados; tener malos hígados	Иметь плохую печень	Быть злым, дурным человеком
Hasta los hígados	До печени	До глубины души, сильно, глубоко; всем нутром, всем сердцем
Echar uno el hígado (los hígados)	Выбрасывать печень	Выбиваться из сил, надрываться; работать до изнеможения
Echar uno el hígado (los hígados) por algo	Выбрасывать печень ради чего-либо	Всячески добиваться чего-либо, разбиваться в лепешку, лезть из кожи вон

Echar los hígados por la boca	Выбросить печень изо рта	Кого-то сильно вырвало, вывернуло наизнанку
Moler los hígados a uno	Перемалывать печень кому-либо (у кого-либо)	Надоедать, изводить кого-либо, докучать кому-либо; морочить кому-либо голову; сидеть у кого-либо в печенках
Querer comer a otro el hígado, los hígados	Хотеть съесть печень у кого-либо	Гореть жаждой мести; быть готовым съесть <i>кого-либо</i> живьем, разорвать на куски, стереть в порошок
Revolverse el hígado a uno	Переворачивать печень кому-либо	Раздражать кого-либо, портить настроение кому-либо, выводить из себя <i>кого-либо</i>
Tener uno hígado de indio	Иметь печень индейца	Быть бессердечным, бесчувственным, холодным, безжалостным

Слово *hígado* используется и для того, чтобы передать состояние «белого каления», бешенства, злобы, гнева. В книге М. А. Астуриаса «Сеньор Президент» между супругами происходит ссора, после которой жена безмятежно засыпает, а муж доведен чуть ли не до инфаркта:

Un cuarto de hora después doña *Venjamón* roncaba como si su aparato respiratorio luchase por no morir aplastado bajo aquel tonel de carne, y él, con *el hígado en los ojos* maldecía de su matrimonio (ASTURIAS 2000: 28).

(Четверть часа спустя донья Венхамон храпела так, как будто бы её дыхательный аппарат боролся, чтобы не погибнуть задавленным этой мясной тушей, а он вне себя от злости (букв.: с печенью в глазах) проклинал свою супружескую жизнь).

Как видно из последнего примера, соматизмы вступают в семантическую игру друг с другом – печень с глазами, сердце со ртом, а кишки с сердцем: *hacer de tripas corazón* - букв. *сделать из кишок сердце*. Перевод этого оборота варьирует в зависимости от контекста: превозмогать себя, чтобы осилить нечто невероятно трудное или отвратительное; взять себя в руки; пересилить себя, не показать страха, отвращения, волнения; собраться с силами; завязать себя узлом; выдержать; переступить через себя, стиснуть зубы, делать что-либо скрепя сердце. Общая сема - *sobreponerse para hacer algo que cuesta mucho esfuerzo o repugnancia*. Курьёзную интерпретацию этому фразеологизму дает Патиньо в своем комментарии к рассказам Кеведо, замечая, что тем, у кого не хватает сердца для сохранения спокойствия, нужно сделать его из кишок, которые поднимаются в грудную клетку, если задержать вдох. Если бы существовал приз лингвистических симпатий для фразеологизмов с компонентом-соматизмом, то его можно было бы отдать этому обороту. Популярна песня с таким названием, на слова Luis Eduardo Aute, завершающаяся предупреждением: “Corren tiempos de / “vivir al paredón” / y habrá que hacer, mujer, / y habrá que hacer, mujer, / *de tripas, corazón*”. Есть и короткометражный мексиканский фильм 1996 года «De tripas, corazón» режиссера Antonio Urrutia. В 2009 году вышла в свет кулинарная книга “De tripas corazón”. Её автор - Abraham García.

Название обыгрывает буквальные значения компонентов фразеологизма и намекает читателю, что из требухи можно приготовить прекрасные блюда. Требуха – кишки и сердца – стала популярной из-за кризиса. *Corazón* можно воспринять и как обращение. Тогда название будет звучать как призыв оценить: вот что можно сделать из потрохов, сердце моё! Еще одна из возможных интерпретаций заглавия-фразеологизма – от потрохов до (вашего) сердца или: то, что получится из потрохов, будет вам по сердцу.

Этот фразеологизм помогает описать состояние одного из персонажей Бенито Переса Гальдоса, когда тот встречается со своим кредитором в кафе: “*El infeliz deudor hacía de tripas corazón y, poniéndole cara risueña, convidábale a tomar algo*” (PEREZ GALDOS 2002:305). Наш герой – Хуан Пабло умирает от стыда, очень переживает, но старается не показать виду – вот что на сей раз несет в себе идиома *hacer de tripas corazón*. Контекст заставит переводить этот оборот каждый раз по-новому: “Несчастный должник делал хорошую мину при плохой игре, улыбался и приглашал кредитора что-нибудь выпить”. Разнообразие возможных переводов, открытость их множества свидетельствуют о семантическом богатстве оборота *hacer de tripas corazón*. «No había más remedio que alimentarse, *haciendo de tripas corazón*, porque la naturaleza no espera: es forzoso vivir, aunque el alma se oponga, encariñada con su amiga la muerte» (PEREZ GALDOS *La misericordia*). Здесь выделенный оборот можно перевести как *делая над собой усилие*. В следующем примере актуализируется сема *скрывать свое истинное состояние*: подчеркивается усилия Баллестера взять себя в руки на похоронах Фортунаты, чтобы справиться с постигшим его горем: «Ballester, *afectadísimo hacía de tripas corazón y se retiró el último*» (PEREZ GALDOS 2002:479). Предложим вариант перевода: «Бальестер, очень удрученный, *держал себя в руках* и ушел последним».

Пытаясь утешить Тристану и обещая ей подарок, дэ Лукас тоже чуть не плача произносит: «*Ной mismo - dijo el viejo, haciendo de tripas corazón y procurando tragarse el nudo que en la garganta sentía*» (PEREZ GALDOS 1980: 140). В обороте, представляющем перед нами в разных контекстах, сталкиваются два весьма значимых соматизма – сердце и кишки, поэтому семантическая структура его оказывается перегруженной, осложненной оттенками смысла. Это делает фразеологизм чрезвычайно экспрессивным, содержащим сразу несколько образов. В зависимости от ситуации может актуализироваться то один, то другой из них.

В испанском языке аксиологически релевантные, эмотивные фразеологизмы, которые в эмоциональной речи служат для осуждения трусости или одобрения храбрости, волевых качеств, боевой сноровки, задействуют лексику, описывающую подробности строения мужского тела, чисто мужскую анатомию. Например, усы и борода выступают как атрибуты, вызывающие уважение *de bigote* – важный, влиятельный, *tener bigotes* – иметь сильный характер; *barba honrada* – почтенный муж, уважаемый человек; *con toda la barba* – подлинный, настоящий, истый, заправский (о человеке); *llevar a uno de la barba* (разг.) – командовать, помыкать кем-либо; *pelarse (tirarse de) la barba (las barbas)* – разозлиться; *subirse a las barbas de otro* (разг.) – фамильярничать, вести

себя бесцеремонно с кем-либо; *temblarle a uno la barba* (разг.) - трусить, дрожать; дрейфить (прост.); *tener pocas barbas* (разг.) - быть желторотым птенцом; ≈ молоко на губах не обсохло; *tentarse las barbas* (разг.) - быть осмотрительным, действовать с оглядкой; *a poca barba, poca vergüenza* (погов.) - молодо - зелено. Особняком в этом перечне стоит фразеологизм, относимый к женщине: *tener buenas barbas (una mujer)* - быть милостивой (о женщине). В нём можно усмотреть отголоски мачизма - приоритета мужских признаков над женскими, ведь женская симпатия дана через мужские атрибуты. Чтобы охарактеризовать мужественного человека используют идиомы *ser de (mucho) pelo en el pecho, tener un par de huevos* - быть мужественным (иметь волосы на груди, иметь пару яиц); *hacerle huevos a uno* - давать жару. В словаре Э.Левинтовой приведен лишь один фразеологизм со словом *cojones* - *tener cojones / иметь яйца* с пометой *грубо* и следующим комментарием: «быть настоящим мужчиной, быть отважным». Автор словаря цитирует реплику из романа Карлоса Мартинеса Морено «Стенка» (Carlos Martínez Moreno. El Paredón), написанного в 1968 году: “Vamos, hombre, tenga cojones – ordenó el oficial ya irritado ‘Sepa morir, que para eso es militar’”. «Да будьте же мужчиной! – крикнул офицер, теряя терпение. – Умейте смотреть смерти в глаза, на то Вы и солдат» (ЛЕВИНТОВА 1985:166).

В отличие от словаря Левинтовой, источники блогов Интернета фиксируют гораздо более обширный перечень малопрстойных идиом с этим словом. Перечислим лишь некоторые из них: *cuántos cojones tienes; con dos cojones; tener algo hasta cojones; dársele en los cojones; echar (mil, más) cojones; dar cojones y por culo; colgarle los cojones bien, un buen par de cojones; patada en cojones; roncanle los cojones; los cojones del marqués; mandar cojones; me (te, le) sale de mis (tus, sus) cojones; hacer lo que le ronquen los cojones* - делать то, что прохрапят его яйца (*что взбредёт ему в голову*); *por cojones; que cojones!; que tiene que ver cojones para comer trigo!; tener a alguien sin cojones; tener cojones en su sitio; tienes los cojones; tocar los cojones; una cría de los cojones; vaya cojones.*

Huevos, cojones и *мужество, отвага* - абсолютно разнородные с точки зрения носителя русского языка сущности. Но в испанском языке они приведены к родству. Народы с бурной фантазией задают неимоверно широкую амплитуду метафорическим уподоблениям. В испанской языковой картине мира чувствуется их откровенно сексуальная ориентация, что выражается в довольно таки назойливом употреблении генитальной лексики. Относительно абстрактные человеческие качества - смелость, самоотверженность - приобретают сексуальную окраску в вербальном мышлении носителя испанского языка. Яркость метафоры чужда требованиям логики, но взамен наделена мощной смысловой и экспрессивной емкостью. Многозначность и смысловая емкость тесно коррелируют с вариативностью и фразеологической синонимией: *lo que le ronquen los cojones, lo que le salga de los cojones, lo que le salga de los huevos, lo que le salga de los riñones*. Лексическая замена одного из компонентов фразеологизма на другой, тождественный, значительно расширяет круг рассматриваемых единиц.

Mi opinión es ésta: o suprimir la policía dejando que haga cada quisque *lo que le*

salga de los riñones, o aumentarla hasta que tengamos tantos agentes como españoles existen (PÉREZ GALDÓS 1968:29).

В рассматриваемом нами материале мало оборотов высокого стиля. Большинству из них присуща явная стилистическая сниженность. Тем не менее, они либо уже вошли в нормированный литературный язык, либо находятся на его пороге и вот-вот войдут, особо не спрашивая разрешения у лингвистов. Повсеместное понижение планки нормы в этике, в каждодневном общении сказывается в речевом узусе. Язык ищет экспрессивности, а экспрессивность – продукт скоропортящийся. Чем дальше уходит говорящий от некоторой нейтральной отметки ноль в сторону грубости, развязности и даже вульгарности, тем идиоматичнее и экспрессивнее становится его речь, тем ощутимее ее прагматический эффект, тем труднее постигать ее иноплеменцам, тем быстрее в диахронии сотрется образность его слова.

В романе «La fiesta del chivo» Марио Варгаса Льюсы похвала в адрес одного из героев - Амадито - подкрепляется словами:

No todos los oficiales son así. He visto a muchos bravos que a la hora crítica, se des-pintan. <...> Porque, aunque nadie se lo crea, para matar se necesitan *más huevos* que para morir (VARGAS LLOSA 2001: 67).

Л.Синянская ничтоже сумняшеся предлагает довольно прямой и незамысловатый перевод этого фрагмента:

Не все офицеры такие. Я повидал немало смельчаков, с которых в решающий момент слезал весь лоск. <...> Никто этому не верит, но для того, чтобы убить, *яйца нужны покрепче*, чем для того, чтобы умереть.

Переводчик, похоже, стремился к максимальной эквивалентности, близости к оригиналу и пожертвовал адекватностью. Чтобы русскому читателю не резало слух, пожалуй, лучше было бы написать: «но для того, чтобы убить, *нужно быть покрепче*, чем для того, чтобы умереть».

Подобные метафоры, по логике вещей, должны относиться только к одному полу – мужскому. Следовательно, они не могут быть применимы для характеристики не менее отважного, стойкого, героического поведения женщины. Мужские гениталии осознаются как оружие, подтверждение чему легко найти не только в художественной, ныне достаточно фривольной, либерализованной, литературе, но и в официальной латиноамериканской прессе:

La tripulación del bimotor observaba... la nave supersónica enemiga. El 26 no lleva *más armamento que el que tiene cada cubano de Fidel allí donde comienzan las piernas* (Verde Olivo.- 1990.- № 3.- p. 33).

Приведенные выше слова-соматизмы можно отнести к специфическому в национально-культурном отношении пласту лексики. В них ощущается явная этнокультурная маркированность. Помимо собственно денотативного значения, «интенционала» семантики, такие слова несут шлейф устойчивых ассоциаций, неизменно и однозначно возникающих в сознании представителя данной культуры («импликационал» значения). «Генитальная» лексика специфична, так как она отражает особенности отношения к миру и восприятия действительности и себя в этой действительности испанцами и латиноамериканцами. Кроме того, она содержит максимум эмотивной, экспрессивной, а глав-

ное - оценочной информации при минимуме сигнала. Это очень емкие, насыщенные слова. Они наделены огромным эмоциональным, коммуникативным зарядом. Выражение «словом можно убить» в полной мере можно отнести к соматической лексике и идиомам с компонентом-соматизмом.

М. Варгас Льоса вкладывает вышеозначенные крепкие фразеологизмы в уста главы Доминиканской Республики диктатора Трухильо:

Se necesitan *cojones* para escribir esta carta – el Jefe del Estado la hacía bailotear en la mano. – Has demostrado que los tienes, haciéndome la guerra casi tres años. Por eso, quería verte la cara (VARGAS LLOSA 2003:115-116). –

(*Надо иметь яйца*, чтобы написать такое письмо. - Глава государства, держа письмо в руке, поигрывал им. - Ты доказал, что они у тебя есть, почти три года воевал против меня. Вот я и хотел взглянуть тебе в лицо) (Перевод Л. Синянской).

Интересно, что говорящий вводит или не вводит в свою речь те или иные крепкие словечки в зависимости от своей позиции в социальной стратификации общества. В нашем примере говорит диктатор, имеющий неограниченную власть и позволяющий себе абсолютно всё – как в поведении, так и в речи. Использование инвективной лексики с положительной коннотацией социально детерминировано в том плане, что в норме она адресована от вышестоящего к нижестоящему. Нарочитая грубость, возможно, служит для того, чтобы сократить дистанцию, расположить к себе слушающего, «снизойти» до уровня плебса. Во внутренней речи Трухильо также применяет эту лексику, рассуждая о слабохарактерности своих подданных:

Pero, le envenenó esta idea el recuerdo de la flaquita que ese hijo de puta consiguió meterse en la cama. ¿Lo hizo a sabiendas de la humillación que pasaría? *No tenía huevos para eso*. Ella se lo habría contado y él, reído a carcajadas (VARGAS LLOSA 2001:32).

Цель говорящего – успокоить самого себя, убедить: у Агустина Кабрала нет злого умысла, где ему отважиться на такие хитрые происки!

О младнокровных и непоколебимых последователях Трухильо в романе говорится следующее: “Es verdad, a los oficiales *con huevos*, trujillistas hasta el tuétano, no se les dora la píldora” (VARGAS LLOSA 2001:63). Подчеркивая, как важно уметь держать себя в руках, полковник Аббес Гарсия говорит:

Sin Juanito Caminante yo no mantendría el equilibrio mental, lo más importante en mi trabajo. Para hacerlo bien, hay que tener serenidad, sangre fría, *cojones helados*. No mezclar nunca las emociones con el razonamiento. (VARGAS LLOSA 2001: 66).

Без Хуанито-Ходока (это виски Johnnie Walker – М.К.) я бы не мог сохранять ясную голову, а это в нашей работе - самое главное. Чтобы делать ее хорошо, надо уметь сохранять спокойствие, холодную кровь и *ледяные яйца*. И никогда не мешать эмоции с рассудком. (Перевод Л.Синянской).

Упоминание корпоральной лексики отсылает слушающего или читающего к его интуитивным знаниям - основе обобщенного эмоционального отношения к объекту. Рассуждая о миролюбии, пацифизме священников, не веря в их способность к вооруженной борьбе, диктатор Трухильо прибегает к своей излюбленной метафоре-фраземе *tener huevos*:

Los frailes franciscanos - capuchinos terroristas -, fabricaban y almacenaban bombas caseras en aquella iglesia. Lo habían descubierto los vecinos por el estallido casual de un

explosivo. La Nación y El Caribe pedían que la fuerza pública ocupara el cubil terrorista.

Trujillo paseó una mirada aburrida sobre los recortes.

- Esos curas *no tienen huevos para fabricar bombas*. Atacan con sermones, a lo más (VARGAS LLOSA 2001:327).

Если денотативное значение лексем-соматизмов может быть передано и адекватно воспринято вне контекста, то коннотативное (оценочное) значение осознается только в контексте художественного произведения, то есть в речевой (синтагматической) актуализации:

¡Ahora también se asesinaba a mujeres indefensas, sin que nadie hiciera nada! ¿A esos extremos de ignominia habíamos llegado en la República Dominicana? ¡Ya no había huevos en este país, coño! Oyendo a Antonio Imbert hablar tan conmovido - él, siempre parco en exteriorizar sus sentimientos- sobre Minerva Mirabal, tuvo, delante de sus amigos, aquel llanto, el único en su vida de adulto. Sí, todavía había *hombres con cojones* en la República Dominicana (VARGAS LLOSA 2001: 345)

Фразу «в стране не было яиц» вне контекста можно понять буквально: из-за голода, войны ли, или ошибок в управлении произошли какие-то сбои на птицефабриках и такой важный продукт питания, как яйца, исчез с прилавков магазинов. Однако в данном лексическом окружении, где говорится об убийстве незащищенных женщин, позоре и унижении для нации, эмоциональных потрясениях, мужских слезах, сомнений быть не может: словом *huevos* передан концепт *достоинство, доблесть, честь*. В переводе эти качества метонимически экстраполированы на их носителей, и оборот, утратив соматизм, прозвучал как «не осталось настоящих мужиков в этой стране». Последнее предложение в этом фрагменте переключается с этой переводческой версией: «Нет, есть еще настоящие мужики в Доминиканской Республике!»

В процитированном отрывке контекст предваряет семантически сложный оборот с соматизмом, подготавливая к его восприятию. В следующем нашем примере контекст дан после фразеологизма, чтобы расшифровать, пояснить скрывающийся в нём оттенок смысла и снять разночтения: «- *Segundo tiene huevos*. Si la pasa mal, no lo demuestra. A veces, se da el lujo de levantarme el ánimo». (там же: 187). «- Сегундо - парень с яйцами. Если ему даже и плохо, он не показывает. А бывает, и меня подбадривает» (Перевод Л. Синянской). (<http://www.litportal.ru/genre39/author3655/book25939.html>)

В словах *huevos*, *cojones* присутствует сема «мужество». Трусливого же человека назовут *deshuevado*. Таким образом, смелость прочно связана в подсознании носителя испанского языка с яркой выраженностью мужских половых признаков, а малодушие ассоциируется с их отсутствием и импотенцией.

Часто употребляясь в разговорной речи, в ее стилистически сниженном регистре, лексика, называющая половые органы, стала весьма полисемичной, богатой оттенками значения. Выигрывая в экспрессивной мощи для носителей языка, эти слова проигрывают в доходчивости для иностранцев. Адекватное понимание обеспечивается контекстом и ситуацией общения, просодическими средствами, интонацией, а также невербальными средствами коммуникации - взглядами, жестами.

Качественный признак, лежащий в основе языковой соматоморфной оценки, носит, как правило, комплексный характер. Благодаря своей многоплановости он может выступать как стимул, порождающий ассоциативные ряды, соотносимые с различными аспектами оценочного знака. В детализации образов, в подборе языковых средств для их создания и их аксиологической интерпретации реализуется национальное видение мира, находит отражение национальная психология. Носители испанского языка на уровне обыденного сознания ощущают прочную связь внешних данных человека, физических характеристик и свойств его внутреннего мира. Человек рассматривается как некая природная данность, важными оказываются параметры количественной представленности деталей, частей, органов, членов, так как они непосредственно связаны с качественными признаками, описывающими моральный и психологический облик человека, особенности его характера. На первый взгляд выражение *tener mucho huevo*, *tener mucho cojon* (иметь яйца, иметь большие яйца) должно характеризовать того, к кому обращен эмоциональный заряд этого фразеологизма, как развратника, сексуально распущенного субъекта. Но такая интерпретация была бы ошибочной. Наоборот, адресат оценки, выраженной с помощью лексем *cojon*, *huevo*, заслуживает самой высокой похвалы: он исполнен мужества, доблести, чести, благородства, хладнокровия в момент принятия важных решений, серьезности и чувства собственного достоинства. Он боец, убежденный борец за высокие идеалы. В литературных произведениях идиомы с этими лексемами обычно оказываются вовлеченными в такую систему художественных образов, где решаются вопросы жизни и смерти, где герой стоит перед выбором, от которого зависит его судьба. Именно словом *cojones* как завершающим аккордом заканчивается роман Артуро Переса Реверте “El asunto de honor” («Дело чести»): “Así que apreté la empuñadura de la navaja y me fui a por el portugués Almeida. Con un par de cojones”. Рискнем перевести сей пассаж дословно: «И тогда я сжал рукоятку ножа и пошел на португальца Алмейду. С парой яиц». В таком виде перевод не может быть принятым для печати. Почему? Потому что у русского читателя последнее словосочетание вызовет смех и перечеркнёт драматическую напряженность трагической кульминации, смещенной в финал. «Пару яиц» придется заменить на «из последних сил», «как подобает мужчине», «так поступают настоящие мужчины». Замена всё равно исказит авторский замысел, но в меньшей степени. Слова из песни не выкинешь, а если выкинешь, то это будет уже другая песня.

Производное от *cojón* прилагательное *cojonudo* создано испанским народом-языкотворцем для выражения в высшей степени положительной оценки. В Испании широко известна легенда о том, что Король Хуан Карлос Первый, однажды попробовав спаржу, пришел в восторг и изрёк: «*Cojonudos!*» Благодаря этой реплике короля появилась торговая марка спаржи (*espárragos*) под названием “*Cojonudos*”. Она и сегодня имеется в продаже в большинстве супермаркетов. О ней восхищенно отзываются покупатели:

Puede que alguno no haya probado los espárragos, en este mundo de Dios. No sabe lo que se pierde: mi recomendación personal es que compre *espárragos cojonudos*. *Cojonudos* no me entiendan mal: “*cojonudos*” es la marca del producto. Es que los nava-

ros son un poco bruticos. Pero esta vez tienen razón. *Están cojonudos*. (<http://www.creetelo.com/noticias51.htm>).

То есть Вы приходите в магазин и по сути дела говорите: «Мне пожалуйста спаржу, столь же прекрасную, сколь прекрасны мужские яйца!» В русском языке этому квалификатору может соответствовать эвфемистическая лексема *охренительная/офигительная*. Кстати, яйца быка – эксклюзивное блюдо испанской кухни.

В рекламе туристических путешествий по Наварре говорится о гастрономических достоинствах региона и особо подчёркивается очарование артишков. Как Вы догадываетесь, для убедительности применяется этот гипнотически действующий на испанское сознание и подсознание, завораживающий, прости Господи, эпитет:

Visite una bodega de los vinos navarros; tiene varias abiertas al público. Llevese un par de botellas de rosado navarro; es el mejor de España. Y a comer. <...> Pruebe las alcachofas, es época y *están cojonudas*» (José María Torradella. Olite sede real, cultural, buen yantar y del beber bien <http://elviajero.elpais.com/recomendaciones/listado/navarra>).

Эпитет *cojonudo* выступает в качестве хвалебной квалификации и в отношении к лицам, причем официальным, высокопоставленным. Это слово как-то невзначай слетает с уст экзальтированных политических деятелей Испании, когда они уверены, что микрофон выключен. А слово – не воробей, и его с воодушевлением подхватывают журналисты, радостно заявляя:

Díaz Ferrán sobre Aguirre: “Es que es cojonuda”» «Диас Ферран сказал об Эсперансе Агирре, что она кохонуда (что у нее есть яйца) [<http://www.expansion.com/2009/05/06/economia-politica/economia/1241615784.html>].

Эта оплошность Диаса Феррана живо и с массой шуточных комментариев обсуждалась в блогах Интернета и в центральной печати, где говорилось, что *sojones* «por lo oído, son atributos preferentemente femeninos» (яйца, по слухам, - атрибут преимущественно женский) (M. Rivas. La Cojonuda // El País. – 09.05.2009).

Прилагательное *cojonudo* не воспринимается сегодня как абсцентное и несет высоко экспрессивную положительную коннотацию. Проведя с испанцами один день в Москве, автор этой статьи на прощанье услышала пропетое в ее честь двустиише: «Marina es cojonuda / y siempre lo sera!». Помнится, Верещагин и Костомаров по поводу ошибок иностранцев в русском языке замечали: «Это правильно, но так не говорят!». Моя ситуация была в тот день противоположной: так говорят, но это совсем неправильно. Спорить я не стала, ибо истина не была для меня дороже позитивности оценки. Ведь дериваты от номинаций женских половых органов несут отрицательный заряд. Так, слово *coño*, выступая в роли междометия, служит «para expresar diversos estados de ánimo, especialmente extrañeza o enfado» («для выражения разных настроений, особенно удивления или злобы») [DRAE http://buscon.rae.es/draeI/SrvltConsulta?TIPO_BUS]. О чем-то неинтересном, занимающем много времени говорят: “*Es un coñazo!*” Эта лексема попала и в идеодискурс испанского президента Хосе Марии Азнара: «”¡Vaya coñazo que he soldado!” - dijo en 2002 el entonces presidente español, José María Aznar, en el Parlamento Europeo, tras exponer a la Eurocámara los resultados de la Cumbre de

Barcelona» [¡Vaya coñazo que he soltado! // El Mundo. 21/03/2002]. Позволю себе предложить суперсмелый перевод: «Ну и *тягомотину же* я тут оттрюндел! – сказал в 2002 году тогдашний испанский президент Хосе Мария Азнар в Европейском парламенте, изложив в Европалате результаты барселонской встречи на высшем уровне».

Такие вольности выносятся в заголовки центральных газет Испании, например, Эль Паис: «Mariano Rajoy: “Mañana tengo *el coñazo* del desfile” (Un micrófono en la clausura de un acto PP juega una mala pasada al presidente de la formación.- Rajoy asegura que es una “conversación de ámbito privado”) [El País. 11.10.2008]. На заседании Народной партии Испании (Partido Popular) в частном разговоре, но с включенным микрофоном, М. Рахой сказал, что завтра его ожидает эта канитель - парад вооруженных сил по случаю Дня Испании (Día de la Hispanidad). Дело это для него нудное, скучное, и он квалифицирует его весьма подходящим, ёмким по смыслу, но стилистически сниженным, разговорным словом – *coñazo*. Википедия толкует *coñazo* как *pesado/muy aburrido* (тяжелый, занудный). Словарь Королевской Академии Испании содержит эту лексему, несмотря на ее вульгарность, и даёт ей следующую дефиницию: “*coñazo* - (*m. coloq.*) *persona o cosa latosa, insoportable*” (надоедливый, невыносимый (о ком-либо или о чём-либо); тогда как *cojonudo, -da*. – означает (*adj. vulg.*) ‘*estupendo, magnifico, excelente*’ (великолепный, чудесный, отличный).

Читатели статей Лусии Эчебарриа (Lucía Etxebarria), находящие ее творения неинтересными, называют журналистку “*tía coñazo*”, в то время как те, кому она нравится, присваивают ей номинацию “*tía cojonuda*”. А что, если назвать её “*tía gilipollas*”? Чем не комплимент? [<http://www.cronicasdlanzarote.com/article>].

О красивой женщине говорят, что она имеет бороду: в словаре Э.Левинтовой мы встречаем фразеологизм *tener barbas una mujer* (иметь бороду – о женщине) – быть привлекательной. Женщине приписывают свойственный не ей, а мужчине, признак, как бы подтягивая ее до уровня сильного пола. Мол, вот будет у тебя борода, дорогая, – тогда и поговорим, а пока гуляй себе, шансы твои равны нулю. Данная мизогиния (от греч. *misos* – отвращение и *gynē* – женщина) отражает стереотипы, сложившиеся в сознании не только носителей испанского языка, а, пожалуй, вообще подавляющего большинства народов.

Хотелось бы, конечно, понять, почему женские анатомические атрибуты воспринимаются испанцами как канительные, скучные и т.п., а мужские – как прекрасные, замечательные. Видимо, основной признак такого противопоставления лежит в плоскости пассивность-активность, статика-динамика?

Русские - как мужчины, так и женщины - комплексуют по поводу пола и секса меньше чем гиперчувствительные и сверхэротичные (по сравнению с русскими) носители испанского языка. Возможно, это объясняется историко-географическими факторами. В России приходилось выживать, бороться за существование, выстаивать не смотря ни на что и вопреки всему, проявляя чудеса героизма. Жизнь в России – это всегда борьба, требующая огромного напряжения всех сил – и нравственных, и физических. Половые различия ото-

двигаются на второй план. У российских и советских женщин было достаточно шансов доказать, кто есть кто. При этом мужчины и женщины по мере сил поддерживали друг друга, и те, и другие делали всё, что могли, во имя общих целей. И тех, и других волновали куда более серьёзные вопросы, чем секс, а именно - как выжить, хотя, конечно, выживание и секс - это взаимосвязанные вещи. Жизнь заставляла сосредоточиться на общечеловеческом, морально-нравственном: силе духа, долге, ответственности; на том общем, что есть между полами: на сумме, а не на разности. Как квинтэссенция этих рассуждений на память приходит строфа из стихотворения «И Господь не слышит нас» Арсения Тарковского: «Беспомощней, суровее и суше / Я духом стал под бременем несчастий. / В последний раз ты говоришь о страсти, / Не страсть, а скорбь терзает наши души». Религия и литература в России призывали к страданию как способу духовного очищения, а вовсе не к радости, веселью и смеху – духовному стержню носителя испанского языка. И история, и география, и климат России, и веками складывавшийся характер общественных отношений – всё это оказало влияние на формирование своеобразной ментальности русского человека и некоторой его депримированности.

В Испании, наоборот, половые, сексуальные, телесные темы выдвинулись, не без участия климатических, исторических, культурологических факторов, на первый план. Носители испанского языка обращают внимание на кастильскую экзальтацию половых атрибутов – “*exaltación castiza de los atributos que de verdad fundamentan nuestra identidad desde la noche de los tiempos. En nuestra historia ya va siendo hora de honrar a los cojones*” (M. Rivas. *La cojonuda* / *El País*. 09.05.2009).

Бесспорное влияние на становление испанского мироощущения оказала римская и греческая культуры с их гимном человеческому телу, с упором на отличие мужской и женской анатомии. Велико влияние католицизма, рассматривающего Иисуса Христа прежде всего как человека, невинно подвергнутого невообразимым телесным мукам. Его окровавленное иссиня-белое тело с обессилено поникшей головой предстает перед глазами верующих в скульптурах католического храма. Традиционны для Испании театрализованные религиозные представления, где персонажи зримы и осязаемы, а также костюмированные праздники, карнавалы, шествия с фигурами, масками и т.п. В них духовное максимально оплотнено, воплощено в объемных, осязаемых формах. Немаловажен и факт семивекового присутствия на испанской земле арабских завоевателей, в культуре которых мужчины и женщины – это вообще разные миры, эротичной страсти уделено большое внимание, женщины при этом – существа, достойные в худшем случае – презрения, в лучшем - жалости.

Денотативный остов латентно присутствует в переносной семантике слова, придавая специфический, национально маркированный формат его коннотативному содержанию, абстрактному смыслу. Денотат сообщает слову некую энергию, которую не может игнорировать адресат. Именно специфика тандема «денотат-коннотат» делает слово губительным или врачующим, унижающим или вдохновляющим, трагичным или ироничным:

No te muevas, no hagas ruido, una patrulla. El jeep se detuvo. Oyó voces, pasos, y luego de una pausa, exclamaciones amistosas: «Pero si eres t', Toñito». «¿Qué hay, com-

padre.» Los autorizaron a seguir, sin registrar el vehículo. Estarían a medio puente, cuando oyó de nuevo a Toño Sánchez: - El capitán era mi amigo, el flaco Rasputín, ¡qué suerte, coño! *Todavía tengo los huevos de corbata*, Amadito. (VARGAS LLOSA 2001:393).

На этот раз перевод Синянской, до сих пор смелый и полуцензурный, отдалается от буквализтики, не донося до читателя колоритной внутренней формой идиомы. И вместо «у меня до сих пор яйца галстуком (яйца в горле)» читаем привычное «у меня до сих пор душа в пятках». *Душа* здесь оказалась контекстуальным эквивалентом отнюдь не духовной сущности. Хотя – как знать...

Привлекает внимание и тот факт, что испанский язык создал ряд синонимов для обозначения этой части мужского организма, чего не произошло с сердцем, почками, печенью, кровью. Это *testículos*, *cojones*, *huevos*, *pelotas*, *bolas*, *cocos*. Уникальная географическая вариативность испанского языка разветвляет и осложняет фразеологическую активность и полисемичность этого синонимического ряда, безоговорочно признаваемого, адекватно понимаемого и с успехом используемого всеми национальными вариантами испанского языка. В статье под рубрикой *testículos* Википедии, написанной, вероятнее всего, аргентинцем, сказано следующее:

En forma vulgar, los testículos acarrean las connotaciones de flojera y ocio. En el Río de la Plata, los adjetivos, “boludo” y “pelotudo” por ejemplo, son sinónimos de una persona haragana. Decir “es un rompehuevos”, “es un rompepelotas”, se refiere a alguien sumamente molesto en su forma de ser. Sin embargo, expresiones como “boludo” o “güevón” son utilizadas también para saludar a amigos varones o referirse a ellos.

Вряд ли согласился бы с утверждением об ассоциативной связи соматизма *testículos* с концептом лени, безделья и досуга Мигель Отеро Сильва, упоминающий некий памятник нерукотворный названной части тела:

Lo que sí niego es el culto ciego a la violencia por sí misma, a la violencia sin teoría, niego el machismo a lo jalisco, el héroe providencial, *el monumento a los testículos*, dice mi padre indignado. (OTERO SILVA 1982:175)

Особый прагматический эффект производит каламбурное столкновение в одном высказывании разностилевых фразеологизмов - книжного, библейского с вульгарным, просторечным, например: «Trujillo podía hacer que el agua se volviera vino y los panes se multiplicaran, *si le daba en los cojones*» (VARGAS LLOSA 2001:31). Здесь автор сравнивает диктатора с Иисусом Христом, который превращал воду в вино и кормил пятью хлебами пять тысяч людей, но вульгарность завершающего фразеологизма придает высказыванию тональность «смеха сквозь слёзы», или слёз сквозь смех - последнее для латиноамериканца, пожалуй, более органично.

Заметим, что цитируемые из Варгаса Льосы реплики произносят мужчины, а не женщины. Примечательно, что использование инвективных идиом в речевом поведении женщины предосудительно. Большинство цитат со словами *cojones*, *huevos* взяты из одного избилующего ими произведения – «Нечестивец, или Праздник козла» перуанского писателя Марио Варгаса Льосы. Имея мощный прагматический потенциал, лексемно-соматизмы являются неотъемлемой частью номинативной сетки романа. Семиотически они работают на его основную тему - тему силы и бессилия власти, силы и бес-

силы смерти, военно-политизированную и нравственную направленность произведения, создавая его уникальное тревожное, напряженное настроение. Роман напитан ощущением опасности, обреченности, несправедливости, жестокости, боли, ощущением страха из-за необходимости сделать фатальный выбор, например, решиться на убийство, пожертвовав собой. Автор стремился сделать зримым состояние человека в самый трудный момент его жизни. Для такой высокой цели все средства хороши. Пресса назвала роман безжалостным. Такому впечатлению способствовало и намеренное обилие в нем идиом со специфическими соматизмами.

Большое значение слову как источнику этнокультурной информации уделено в работах Анны Вежбицкой: «Некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность» некоторой концептуальной сфере. Эти центральные слова, по А.Вежбицкой, могут иметь объяснительную силу, распространяющуюся на смежные концепты и понятийные области (ВЕЖБИЦКА 1999:264). Анализируемая здесь элита соматической лексики испанского языка принадлежит к классу таких центральных или «этноцентричных» слов, принимая самое активное участие в создании художественных образов.

Генитальная лексика настойчиво врется в призеры по частотности слов, вентилируемых разговорной речью во всем мире. В испанском языке это нормативные, лексикографически кодифицированные, хотя и вульгарные, лексемы. В русском языке – это мат. Хотим мы того или нет, но основное значение этой лексики, используемой в переносном смысле, придает всей языковой картине мира определенный формат, упорно направляя мысль в нижние этажи и в подвалы соматической образности.

Философам стоит прислушаться к тому, какие слова употребляются чаще других, поскольку без них не может обойтись сам язык. Таков совокупный и бессознательный результат мысли миллионов людей, думавших вовсе не о категориях, а о туфлях, зонтиках, погоде, соседях, книгах, политических событиях и т.д. (ЭПШТЕЙН 2007:232).

Слова-соматизмы активно участвуют в формировании национального образа языковой личности. В плане содержания этих слов происходит совмещение нескольких трудно совместимых значений, формирующих своеобразный семантический синкретизм. Воспроизводимость семантического тандема объясняется перманентностью концептуального синтеза соответствующих понятий в ментальности носителя языка.

Соматической лексике в испанском языке присущи коннотативная емкость, высокая экспрессивность, эмотивность, оценочность и специфическая идиоматичность, что обеспечивает соматизмам серьезное место в языковой картине мира.

Проанализированные нами лексические единицы обладают высокими сочетаемостными потенциями и расширенным объемом семантико-синтаксических валентностей, обнаруживающих большее разнообразие по сравнению с русскими эквивалентами. Богатство семантики слов, изображающих тело

человека, углубляет традиционную дихотомическую пропасть между знаками и явлениями, между означающим и означаемым. Соматоморфный код семантической шифровки абстракций – один из древнейших, наряду с другими гео- и био- кодами, развившимися из наблюдения людей над окружающей их природой (ландшафтом, животными, растениями, погодой). Комплекс соматизмов, являющихся источником метафоризации, представляет собой закрытое множество слов: новых частей тела и органов не возникает. Тем не менее соматическая метафора остается и сегодня востребованной как надежный эффективный инструмент образования новых значений.

Voca/рот, cojones/яйца, hígado/печень, riñones/почки, tripas/кишки – это своеобразные соматические доминанты, продиктованные специфической образностью испанского мышления, опирающегося на основные жизненные, физиологические функции и ищущего в жизни удовольствия. Для любого простого человека во всем мире, к чему лукавить, таких источников два: еда и секс. Гедонизм, игра, жизнь чувствами – вот привлекательные для носителя испанского языка стороны жизни. Соматизмы и идиомы с ними помогают четче увидеть интенсивность красок ментального мира и мироощущения носителя испанского языка. Любовь к гиперболе выявляет гипертрофированность образно-эмоциональной составляющей мировосприятия. Благодаря показанным нами анатомическим фигуральным парадигмам фрагменты подсознания носителя испанского языка, его подкорка, становятся доступными для наблюдения извне.

Referencias bibliográficas

- ALARCÓN, P. A. (1974): *El Capitán Veneno*, Espasa-Calpe, S.A, Madrid.
 ALARCON, P. A. de (2003): *El sombrero de tres picos*, Юпитер-Интер, Москва
 ASTURIAS, M. A. (2000): *El señor Presidente* ALLCA XX, San José
 BLASCO IBÁÑEZ V. (1980): *Guapeza Valenciana*, Madrid
 CARPENTIER, A. (1978): *El reino de este mundo*, Editorial Universitaria, Buenos Aires.
 FUENTES, C. (2002): *La muerte de Artemio Cruz*, Suma de letras, Madrid 444 p.
 GARCÍA MÁRQUEZ, G. (2007): *Memoria de mis putas tristes*, Libros de bolsillo, Barcelona.
 MENDOZA, E. (1986): *La ciudad de los prodigios*, Seix Barral, Barcelona
 OTERO SILVA, M. (1982): *Cuando quiero llorar no lloro*, Editorial Progreso, Moscú
 PÉREZ GALDÓS, B. (1968): *La revolución de julio 1904*, Aguilar, Madrid.
 PÉREZ GALDÓS, B. (2002): *Fortunata y Jacinta: dos historias de casadas*, Alianza Editorial, Madrid.
 PÉREZ GALDÓS, B. (1998): *La misericordia* Catedra, Madrid.
 PÉREZ REVERTE (1995): *El asunto de honor*, Alfaguara, Madrid
 UNAMUNO, M. (1979): *Niebla*, Taurus, Madrid.
 VALLE-INCLÁN, R (1995): *Tirano Banderas*, Círculo de Lectores, Biblioteca Universal - Maestros modernos hispánicos, Madrid.
 VARGAS LLOSA, M. (2001): *La fiesta del chivo*, Suma de letras, Madrid.
 БЕРДЯЕВ, Н. (2006): *Мирозерцание Достоевского*, АСТ, Москва.

- ВЕЖБИЦКА, А. (1999): *Семантические универсалии и описание языков*, Языки славянской культуры, Москва.
- ЛЕВИНТОВА, Э. И.; ВОЛЬФ Е.М. (1985): *Испанско-русский фразеологический словарь*, Русский язык, Москва.
- ЭПШТЕЙН, М. Н. (2004): *Знак пробела. О будущем гуманитарных наук*, Новое литературное обозрение, Москва.